

Т.Е. Мельник-Боткина

**Воспоминания о царской семье и ее жизни
до и после революции**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Т11

Т11 **Т.Е. Мельник-Боткина**
Воспоминания о царской семье и ее жизни до и после революции / Т.Е. Мельник-Боткина – М.: Книга по Требованию,
2023. – 113 с.

ISBN 978-5-517-83305-1

ISBN 978-5-517-83305-1

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Еще мой дѣдъ былъ Лейбъ-Медикомъ Императора Александра II и Императора Александра III. Преемникомъ его былъ назначенъ докторъ Гиршъ, и, когда послѣдній умеръ и Императрицу Александру Федоровну спросили, кого она желаетъ пригласить, она сразу сказала: „Боткина.“ Въ то время въ Петроградѣ одинаково извѣстны были два Боткина: старшій сынъ моего дѣда — Сергѣй Сергѣевичъ и мой отецъ — Евгений Сергѣевичъ. „Того, который былъ на войнѣ“, добавила Ея Величество.

Это было вскорѣ послѣ Русско-Японской войны, которую мой отецъ всю провелъ въ дѣйствующей арміи. О его храбрости и неутомимой работѣ много говорили въ Петербургѣ и знала и Ея Величество.

Вначалѣ мой отецъ ѣздилъ въ Царское Село изъ Петербурга, но въ апрѣлѣ 1908 года онъ былъ назначенъ Лейбъ-Медикомъ Его Величества, и осенью мы всѣ переѣхали въ Царское Село, гдѣ жила Царская Семья съ 1905 года.

Царская Семья жила въ Александровскомъ дворцѣ, построенномъ еще Екатериной Великой для Наслѣдника Александра Павловича. Красивое желтоватое зданіе въ стилѣ епріте украшалось бѣлыми колоннами и орнаментами. Дворецъ былъ построенъ покоемъ. Фасадомъ своимъ, центръ котораго занимало полукруглое окно кабинета Его Величества, онъ выходилъ на газонную площадку парка. Флигеля выходили на большой дворъ, съ чугунными воротами на улицу. За дворомъ шелъ прудъ съ бѣлыми лебедями и разстилался паркъ. Въ лѣвомъ флигелѣ и нижнемъ этажѣ центра находились парадныя комнаты; въ правомъ флигелѣ помещалась часть свиты и коронованные Гости; въ верхнемъ этажѣ центра была спальня Ихъ Величествъ и комнаты Ихъ Высочествъ. Дворецъ уже становился малъ для Царской Семьи, и жили они очень тѣсно. Алексѣй Николаевичъ имѣлъ двѣ комнаты: спальню и классную. Великія Княжны имѣли двѣ спальни, въ которыхъ онѣ жили по двое и гдѣ стояли ихъ кровати, туалетные и письменные столы. Однажды мой отецъ засталъ Великую Княжну Анастасію Николаевну, лежащую ничкомъ на полу и переписывающую заданный урокъ: въ классной занимался Алексѣй Николаевичъ, а всѣ столы были заняты ея сестрами или завалены вещами.

Ея Величество принимала моего отца въ началѣ 10-го часа въ спальнѣ, и онъ всегда заставалъ ее уже за работой: за вышиваніемъ или рисованіемъ какой-нибудь вещи, которая потомъ дарилась или продавалась на благотворительныхъ базарахъ.

Его Величество уже тоже давно былъ на ногахъ и уходилъ въ свой кабинетъ для принятія докладовъ. Кромѣ чисто медицинскаго разговора, Ея Величество почти всегда задерживала моего отца или разспросами о нашей семьѣ, такъ что, въ концѣ концовъ, они знали весь нашъ образъ жизни и привычки, или какими — нибудь порученіями благотворительности и разговорами объ Ихъ Высочествахъ. Ея Величество, какъ рѣдкая мать, входила во всѣ мелочи жизни своихъ дѣтей, выбирая имъ книги и занятія, распредѣляя ихъ десть, сама читая и работая съ ними. Когда кончались уроки, Великія Княжны шли за рояль или за рукодѣлія, въ которыхъ онѣ были большія мастерицы.

Кромѣ вышиванія, онѣ должны были шить на бѣдныхъ, такъ же какъ и свитскія дамы, каждой изъ которыхъ Ея Величество поручала набирать, въ свою очередь, 12 дамъ для изготовленія опредѣленнаго количества теплыхъ и необходимыхъ вещей. Все это отсылалось Ея Величеству, разбиралось и сортировалось фрейлинами и Великими Княжнами и разсылалось по пріютамъ, или лично имъ извѣстнымъ бѣднымъ семьямъ.

Мы жили въ Царскомъ Селѣ на Садовой улицѣ, противъ большого Екатерининскаго Дворца и каждый день около 3-хъ часовъ внимательно глядѣли въ окно: въ эти часы Великія Княжны и Наслѣдникъ, а иногда и Императрица ѣздили кататься.

Мы знали это уже по тѣмъ приготовленіямъ, которыя происходили въ находящейся въ нашемъ дворѣ конюшнѣ. Въ этой конюшнѣ были лошади Ихъ Величествъ, а лошади Великихъ Княженъ и Наслѣдника стояли отдѣльно, но, тѣмъ не менѣе, всегда заѣзжали сюда за конюшеннымъ офицеромъ, присутствовавшимъ при всякомъ выѣздѣ Ихъ Величествъ и Ихъ Высочествъ. Кромѣ того, шли всегда два конюха, разстилавшіе коврикки, а на запяткахъ каретъ Государя и Императрицы стояли гайдуки въ высокихъ шапкахъ и синихъ кафтанахъ; за Великими Княжнами и Наслѣдникомъ скакали конвойцы. Его Величеству и Ея Величеству подавали русскій выѣздъ. Долго запрягали лошадей, въ послѣдній разъ все чистили и приводили въ порядокъ, и наконецъ появлялся толстый кучеръ въ медаляхъ, котораго нѣсколько конюховъ начинали подсаживать, запахивать на немъ кафтанъ и подавать возжи. Усѣвшись, кучеръ неизмѣнно крестился, конюшенный офицеръ становился на подпужку, и пара медленно двигалась съ нашего двора подъ арку на Дворцовую улицу, а оттуда въ ворота Александровскаго парка. Великимъ Княжнамъ подавали англійскій выѣздъ, а Наслѣднику низенькія саночки, съ ящикомъ въ круглой шапкѣ. Государь почти никогда не ѣздилъ кататься. Ея Величество ѣздила съ кѣмъ-нибудь изъ фрейлинъ или съ Анной Александровной Вырубовой. Разъ я помню Вырубову, когда она была съ визитомъ у моей матери. Полная и розовая, вся въ пушистыхъ мѣхахъ, она какъ-будто преувеличенно ласково смотрѣла на насъ-дѣтей и не очень намъ понравилась. Благодаря нашимъ наблюденіямъ, Великія Княжны скоро замѣтили насъ и знали въ лицо, и всегда, увидавъ кого-нибудь изъ насъ на улицѣ, на слѣдующій день говорили моему отцу: „А мы Вашу дочьъ видѣли или Вашего сына“. Вскорѣ онѣ всѣ знали насъ по именамъ, постоянно посылали поклоны, иногда персикъ или яблоко, иногда цвѣтокъ или просто конфетку, если же кто-нибудь изъ насъ захварывалъ, — а сомной это случалось часто, — то непременно каждый день, даже Ея Величество, справлялась о здоровьѣ, присылала святую воду или просфоры, а когда меня остригли послѣ брюшнаго тифа, Татьяна Николаевна собственноручно связала голубую шапочку. И вовсе не мы одни пользовались какимъ-либо исключительнымъ расположеніемъ Царской Семьи: свои заботы и вниманіе они распространяли на всѣхъ, кого знали, и часто въ свободныя минуты

**Е. И. В. Государь Императоръ Николай Александровичъ
1910 г.**

Великія Кнажны шли въ комнаты какой-нибудь судомойки или сторожнхи, чтобы поняичить тамъ дѣтей, которыхъ онѣ всѣ очень любили.

До осени 1911 года мы, дѣти, не видали Царскую Семью иначе, какъ на улицѣ, и только слышали о нихъ отъ нашихъ родителей. Мой отецъ всегда говорилъ намъ, что любить Ихъ Высочество не меньше насъ, своихъ дѣтей. Разсказывалъ, какъ они трогательно дружны между собой, какъ, въ особенности, Анастасія Николаевна любитъ Ольгу Николаевну, всюду ходитъ за ней и съ уваженіемъ и нѣжностью цѣлуетъ у нея руки; какъ они просты въ своей одеждѣ и въ образѣ жизни, такъ что Алексѣй Николаевичъ донашивалъ старыя ночныя рубашки своихъ сестеръ.

Вскорѣ послѣ нашего переѣзда въ Царское Село моя мать ѣздила представляться Императрицѣ Александрѣ Федоровнѣ. „Во-первыхъ, одѣньтесь какъ можно проще“, сказала моей матери одна изъ фрейлинъ, наша родственница Ольга Евгеньевна Бюцова. И моя мать поѣхала въ черномъ суконномъ платьѣ. Ея Величество принимала ее одну, въ своей маленькой гостиной съ сиреновой мебелью, и все время разспрашивала о моемъ отцѣ и о насъ-дѣтяхъ, такъ что моя мать вернулась въ восторгѣ отъ простого и внимательнаго отношенія Ея Величества.

Осенью 1909 года Ихъ Величества были въ Крыму, и Его Величество захотѣлъ испытать на себѣ тяжесть солдатскаго снаряженія. Поэтому онъ приказалъ принести себѣ таковое изъ 16-го стрѣлковаго Императора Александра III полка, стоявшаго въ Ореандѣ. Снаряженіе было послано со стрѣлкомъ, которому Государь сказалъ: „Одѣвай меня, а то я не знаю, что надѣвать сначала.“ Одѣвшись, Государь вышелъ изъ дворца, прошелъ по Ливадійскому парку и вышелъ въ Ореанду и, пройдя по шоссе, нарочно остановился спросить у дворцоваго городского дорогу въ Ливадию. Городовой, не узнавъ Царя, отвѣтилъ довольно рѣзко, что туда нельзя идти и чтобы онъ повернулъ обратно. Врядъ ли городовой узналъ когда-нибудь свою ошибку, такъ какъ Государь молча повернулся и пошелъ, куда ему показали. Онъ ходилъ около двухъ часовъ по горамъ и, вернувшись, сталъ раздѣваться при помощи все того же стрѣлка. Впослѣдствіи ротный командиръ той роты, изъ которой посылали снаряженіе, попросилъ Его Величество занести, какъ полагается всѣмъ стрѣлкамъ, собственноручно имя и фамилію въ книжку и заполнить нѣкоторыя графы. У меня хранится фотографія съ первой страницы этой книжки, гдѣ слѣдующее записано Государемъ Императоромъ. (См. стр. 10.)

Этой же осенью Ея Величество пошла съ Вырубовой въ Ялту за покупками. Вскорѣ пошелъ сильный дождь, такъ что, когда Ея Величество вошла въ магазинъ съ ея зонтика натекли большія лужи на полъ, и приказчикъ строго сказалъ ей, указавъ на подставку для палокъ и зонтиковъ: „Мадамъ, для этого есть вещь въ углу.“ Императрица покорно поставила зонтикъ, но велико же было смущеніе приказчика, когда Вырубова сказала: „Александра Федоровна,“ и онъ догадался, съ кѣмъ разговаривалъ.

Въ 1911 году Ихъ Величества были опять въ Крыму, и мой отецъ захотѣлъ, чтобы и мы съ младшимъ братомъ провели тамъ осень. Приѣхавъ въ Севастополь, мы узнали, что отецъ лежитъ больной на Штандартѣ и что намъ сегодня разрѣшено приѣхать его навѣстить. Только что мы успѣли закусить въ гостиницѣ, какъ приѣхалъ за нами мичманъ Бутаковъ (впослѣдствіи убитый на войнѣ) и усадилъ насъ на Графской пристани на катеръ, ходившій къ Штандарту. Съ трепетомъ подѣзжали мы къ величественному и красивому Штандарту, сверкавшему на южномъ солнцѣ своей чистотой. Проведя насъ по нѣсколькимъ узенькимъ корридорамъ, Бутаковъ ввелъ насъ въ маленькую, но уютную и свѣтлую каютку, въ которой на

диванъ лежалъ мой отецъ. Только что мы успѣли поздороваться и сказать пару словъ, какъ за дверьми послышались шаги, голоса, смѣхъ, затѣмъ стукъ въ дверь и появились всѣ четыре Великія Княжны. Какъ сейчасъ помню, что старшія были въ бѣлыхъ юбкахъ и блѣдно-голубыхъ вышитыхъ блузкахъ, а младшія въ красныхъ съ сѣрыми горошинками юбкахъ и бѣлыхъ блузкахъ... Великія Княжны страшно мило съ нами поздоровались и старшія задали намъ нѣсколько вопросовъ о нашемъ путешествіи, на которые мы еле-еле отъ смущенія отвѣчали, а затѣмъ собрались уходить, когда мой отецъ попросилъ Татьяну Николаевну спросить у Ея Величества,

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА 16 СТРѢЛКОВАГО ИНТЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III ПОЛКА		Имя <u>Николай</u> Фамилія <u>Романовъ</u> На службу съ <u>16-го Января</u> 1907 г. На правахъ <u>(инвалида) - др. гробовой доск.</u> Въ _____ съ _____ 190__ г. Изъ сословія _____ Губерніи <u>С. Петербургской</u> Уѣзда <u>Царскоселского</u> Города или волости <u>Царская Села</u> Села или деревни _____ Вѣроисповѣданія <u>православнаго</u> Холостъ или женатъ <u>неженатъ</u> Знаетъ мастерство _____	
Роты . . . . . " 1 " Ввода . . . . . " 1 " па Отдѣленіи . . . . . " 1 " 1909—19 г.	Личный № <u>1</u>		
Книжку эту нижній чинъ долженъ постоянно хранить у себя; при полученіи денегъ и пр. онъ представляетъ ее Ротному Командиру для отдачи въ казенную кассу и вѣрности выдачи.			
Прохождение службы: Стрѣлокъ съ <u>24 Октября</u> 1909 г. Ефрейторомъ съ _____ 190__ г. Младш. унт.-офиц. съ _____ 190__ г. Старш. унт.-офиц. съ _____ 190__ г.			

разрѣшить ли Она намъ пріѣхать и завтра. Черезъ нѣсколько минутъ Татьяна Николаевна вернулась и сказала своей милой манерой, быстро, быстро, скрадывая слова: „Мама сказала, что Таня и Глѣбъ, пока Вы больны, могутъ пріѣзжать каждый день.“ Можно себѣ представить нашу радость и то нетерпѣніе, съ которымъ мы каждый день ждали двухъ часовъ, т. е. отхода катера съ Графской пристани на Штандартъ. Почти сразу послѣ нашего пріѣзда приходили младшія Великія Княжны, изрѣдка старшія. Больше всего мы видѣли Анастасію Николаевну. Она приходила и садилась въ ногахъ дивана, на которомъ лежалъ отецъ, а вечеромъ, когда при закатѣ солнца должна была стрѣлять пушка, она всегда дѣлала видъ, что страшно боится и забивалась въ самый дальній уголокъ, затыкая уши и смотря оттуда большими дѣланно-испуганными глазками. Иногда чинно разговаривая, она, если мы

вставали за чѣмъ-либо, незамѣтно подставляла намъ ножку. Марія Николаевна и Анастасія Николаевна страшно любили играть въ нулики и крестики и знали какой-то секретъ, при помощи котораго всегда выигрывали, но сообразительный Глѣбъ проникъ въ ихъ секретъ и Анастасія Николаевна, проигравъ ему нѣсколько разъ, предупреждала Марію Николаевну: „Берегись, Мари, онъ хорошо играетъ.“ Глѣбъ, уже тогда очень хорошо рисовалъ людей съ звѣринными головами, и онъ приносили кусочки бумаги и карандаши, чтобы срисовывать. Однажды Анастасія Николаевна пришла, вся утопая въ своихъ распущенныхъ длинныхъ волосахъ, въ которыхъ гдѣ-то виталъ маленькій бѣлый бантикъ, и, усѣвшись въ ногахъ дивана, вытащила изъ кармана цѣлую гору смятыхъ листовъ папиросной бумаги, которую она стала разглаживать на колѣняхъ и аккуратно складывать стопочкой. „На что Вамъ эти бумажки?“ спросилъ отецъ.

„А я съ ними играть буду“, сказала Анастасія Николаевна и, сложивъ ихъ горкой, закинула ихъ обратно въ карманъ. Затѣмъ, просидѣвъ еще немножко, она рассказала намъ, что Марія Николаевна всѣ туфли портитъ, потому что надѣваетъ ихъ, придавливая пятку; поговоривъ еще о чемъ-то, она встала, попрощалась и вышла, но не въ корридоръ, а только за портьеру, такъ что мы видѣли кончики ея бѣлыхъ туфелькъ.

„А мы Васъ видимъ, Анастасія Николаевна“, смѣясь сказалъ мой отецъ. Она выглянула изъ-за портьеры, засмѣялась и убѣжала. На слѣдующій день то же самое: Анастасія Николаевна сдѣлала видъ, что ушла, но изъ-за портьеры выглядывалъ ея бѣлый башмачекъ. „А мы Васъ видимъ“, сказалъ мой отецъ. За портьерой молчаніе. „Выходите, Анастасія Николаевна, мы Васъ видимъ.“ Опять молчаніе. Мы отодвинули портьеру, и тамъ одиноко стояла бѣлая туфля, а Анастасія Николаевна, поставивъ ногу въ чулкъ на носокъ другой туфли, выглядывала изъ-за пріотворенной въ корридоръ двери. Около пяти часовъ къ моему отцу приходила Ея Величество, которой онъ ежедневно выслушивалъ сердце. Къ этому времени мой отецъ всегда просилъ насъ подать ему вымыть руки, что мы и дѣлали, наливая воду въ стеклянную чашку, которую Великія Княжны называли „простоквашницей.“

Однажды, уже послѣ нашего отъѣзда, мой отецъ попросилъ сидѣвшую у него Великую Княжну Анастасію Николаевну выйти въ корридоръ и позвать лакея. „Вамъ зачѣмъ?“ — „Я хочу вымыть руки.“ — „Такъ я Вамъ подамъ.“ На протесты моего отца она сказала: „Если это Ваши дѣти могутъ дѣлать, то отчего я не могу?“ Моментально завладѣвъ „простоквашницей“, она начала усердно помогать моему отцу мыть руки. Вообще простота и скромность были отличительными чертами Царской Семьи. Великія Княжны говорили: „Если Вамъ не трудно, то мама проситъ Васъ прійти.“ Никогда никто изъ окружающихъ не слышалъ отъ Ихъ Величествъ или отъ Ихъ Высочествъ слово „приказываю“.

Ея Величество приходила всегда въ очень нарядныхъ бѣлыхъ капотахъ съ длинной жемчужной нитью на шеѣ, опускавшейся почти до самыхъ колѣнъ. Она всегда удивительно ласково заговаривала съ нами и, когда я цѣловала Ей руку, цѣловала меня въ високъ. Одинъ разъ пришелъ Государь, и отъ одного взгляда Его чудныхъ синихъ глазъ я чуть не расплакалась и ничего не могла отвѣтить на Его вопросы о нашемъ путешествіи. Неудивительно, что я, дѣвочка, смутилась, но я знаю свѣтскихъ дамъ и мужчинъ, не одинъ разъ видѣвшихъ Государя и говорившихъ, что отъ одного взгляда этихъ глубокихъ и ласковыхъ глазъ они еле удерживали слезы умиленія и готовы были на колѣняхъ цѣловать у Него руки и ноги. Я помню, какъ мой отецъ рассказывалъ о жизни въ Могилевѣ во время войны, когда въ отсутствіи

Ея Величества, Государь, самъ разливая вечерній чай, спрашивалъ, указывая на сахаръ: „Можно пальцами?“ А для моего отца это было дѣйствительнымъ счастьемъ получить кусочекъ сахара, тронутый Его Величествомъ.

Раза два приходилъ Алексѣй Николаевичъ. Ему было тогда 7 лѣтъ. Его очень интересовалъ костыль, приготовленный для моего отца, и, прислонившись лбомъ къ плечу костыля, онъ выглянулъ между палками и спросилъ: „Вы меня видите?“ а потомъ: „Чей это костыль?“ Мы всегда называли моего отца „папуля“, и поэтому братъ отвѣтилъ: „Папулинъ.“ Это слово, повидимому, очень понравилось Алексѣю Николаевичу, т. к. онъ улыбнулся и въ слѣдующій разъ повторилъ свой вопросъ и былъ удовлетворенъ тѣмъ же отвѣтомъ. Когда же, послѣ нашего отъѣзда, Алексѣй Николаевичъ спросилъ моего отца, „чей это костыль“, и тотъ отвѣтилъ: „мой“, онъ сдѣлалъ разочарованное лицо. При Алексѣѣ Николаевичѣ состояла тогда няня Марія Ивановна Вишнякова и дядька боцманъ Деревенько, но няня была скоро смѣнена, и на ея мѣстѣ появился гувернеръ-швейцарецъ М-сье Жильяръ, образованный и удивительно милый человѣкъ, котораго сразу всѣ полюбили, а Алексѣй Николаевичъ завязалъ съ нимъ тѣсную дружбу и вскорѣ заговорилъ по французски лучше своихъ сестеръ. Уже гораздо позже появился англичанинъ М-ръ Гиббсъ, не бывший въ такихъ близкихъ отношеніяхъ съ Царской Семейей, какъ Жильяръ, а боцману Деревенькѣ въ качествѣ помощниковъ-лакеевъ были назначены два матроса — Нагорновъ и Сѣднень.

Помню, какъ обрадовалъ моего отца Алексѣй Николаевичъ первой, обращенной къ нему французской фразой: „Je vous aime de tout mon petit cœur,“* сказалъ онъ ему какъ-то вечеромъ на прощаніе.

Большимъ было горемъ для всѣхъ, когда осенью 1912 года въ Спалѣ Алексѣй Николаевичъ захворалъ и настолько серьезно, что изъ Петербурга вызвали хирурга — Сергѣя Петровича Федорова. Какъ мнѣ потомъ объяснялъ мой отецъ, у Алексѣя Николаевича появилось внутреннее кровоизліяніе на почвѣ ушиба живота. Образовавшаяся опухоль давила на нервы, и этимъ вызывались страшныя боли и неподвижность ноги. Съ трепетомъ слѣдили мы за печатавшимися въ газетахъ бюллетенями. Къ сожалѣнію, я, боясь обыска красноармейцевъ, сожгла всѣ письма моего отца, а подробный дневникъ, который онъ велъ во время болѣзни, остался въ Царскомъ Селѣ. Къ декабрю Алексѣй Николаевичъ настолько поправился, что Царская Семья переѣхала въ Царское Село.

Съ этой зимы при Алексѣѣ Николаевичѣ появилось новое лицо, остававшееся при немъ неотлучно, — докторъ Деревенко, ассистентъ профессора Федорова, къ которому Алексѣй Николаевичъ очень привязался, и сынъ котораго постоянно игралъ съ нимъ. При Великихъ Княжнахъ состояла гофъ-лестрица и учительница русскаго языка Ея Величества, въ бытность Ея невѣстой Государя, — Екатерина Адольфовна Шнейдеръ. Изъ фрейлинъ въ то время ближе другихъ была Ольга Евгеньевна Бюцова, очень милый, но нѣсколько несдержанный человѣкъ; изъ флигель-адъютантовъ: Александръ Александровичъ Дрентельнъ, бывший преображенецъ, высокаго роста, съ большой лысиной и красивыми чертами лица, очень образованный и начитанный, большой любитель музыки, умѣвшій на всякаго произвести пріятное впечатлѣніе, и Великій Князь Дмитрій Павловичъ. Начальникомъ военно-походной канцеляріи былъ Князь Орловъ, непомерно толстый человѣкъ, котораго мой отецъ очень любилъ за его сердечность, остроуміе и широкую русскую душу.

* Я Васъ люблю всѣмъ своимъ маленькимъ сердцемъ.

Е. И. В. Государь Императоръ въ Ставиѣ.

